

«МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА – ТУНДРА...»

В настоящее время многие россияне, как взрослые, так и дети, имеют самые поверхностные представления о народах Крайнего Севера, ведущих традиционный образ жизни. Из-за отсутствия личного контакта с представителями этих народов, из-за распространенного в обществе эволюционистского взгляда на развитие человечества, конечной точкой которого считается американская или западноевропейская цивилизация, у значительной части россиян бытует предвзятое отношение к жителям тундры. Это отражается в анекдотах «про чукчу», где тот представляется неспособным к освоению простейших элементов современной цивилизации, в распространенном мнении, что коренные жители Севера давно стились и находятся на грани вымирания...

Когда я впервые приехал на Ямал, то ожидал увидеть нечто подобное. Но, пройдя на лыжах всего 60 километров от Салехарда, столицы Ямало-Ненецкого автономного округа, я вдруг оказался не просто в другой цивилизации – в другом времени. Чумы, покрытые шкурами, нарты, олени. Но самое сильное впечатление произвели люди - спокойные, немногословные, уверенные в себе хозяева тундры. Моим первым учителем на Севере стал оленевод Гаврила Затруев. Он научил меня делать нарты, жерди для чума, управлять оленьей упряжкой, бросать аркан – так я приобрел первые навыки, необходимые мужчине-олeneводу. За работой Гаврила рассказывал старые легенды, поверья, поговорки, пословицы – все, что когда-то слышал от своего деда и других стариков...

Во время следующих экспедиций на Север я познакомился с Олегом Тайшиным и его родителями – Людмилой и Геннадием. Тайшины - древний княжеский род. Князя Тайшины в прошлом управляли огромной территорией, но священной родовой землей всегда был поселок Горнокнязевск в 12 километрах от Салехарда.

Людмила Тайшина, мать четырех уже взрослых детей, сейчас живет в Салехарде. Но почти всю жизнь она провела в тундре. Ее муж Геннадий был оленеводом совхоза «Салехардский», должность Людмилы называлась «чумработница».

Людмила рассказывала:

- Женщине в тундре все время приходится шить. Детям, мужу одежду, себе одной надо пять ягушек (зимних шуб).

- Зачем так много?

- Как зачем? Одна повседневная, другая праздничная, третья – старая, рабочая, четвертая – для мужа, вместо одеяла, пятая – запасная...

Людмила много рассказала о хантыйской семье. Женятся обычно по любви, достаточно рано: мужчины лет в 20-25, женщины выходят замуж в 16-18 лет. Разводы - редкость. Вообще с появлением детей - а их человек 5-7 в семье - все меняется, вся жизнь посвящена в основном детям. Мужчина и женщина чувств на людях не показывают, очень сдержанны. Мужчина работает в стаде или на реке, женщина с детьми - в чуме, шьет одежду, готовит еду.

Тундра не балует женщину - каждые три дня разбирать чум и собирать его на новом месте, вести самый большой аргиш (караван нарт) – все это тоже женская работа. Но Людмила говорит о годах кочевий с радостью, как о лучшем времени своей жизни, с улыбкой вспоминает свой старый паспорт, где в графе «место жительства» было написано: «Воркутинская тундра»...

Во время очередного путешествия на Ямал Людмила познакомила меня со своей сестрой Евдокией Серасховой и ее мужем Петром.

Петр – несколько замкнутый, немногословный мужчина. Но если говорит - всегда по существу, рассуждает о многих проблемах оленеводов и рыбаков. По словам Петра, главная беда - в добыче нефти и газа.

- Поставили недавно буровую около Яр-Сале. И рыбы там не стало. А летом идем на лодке, и вдруг видим - лед! Подплыли поближе - а это рыба мертвая. Я подошел к рабочим, к геологам - те мне говорят: у нас все безопасно, все отходы через землю фильтруются, в реку ничего попадать не должно. Да не верю я им...

- А тут собрались дорогу строить в Надым. Ладно бы - железную, так нет, автодорогу строить будут. Тогда вообще конец оленеводству.

- А чем автодорога хуже? - спросил я Петра.

- Да поедет народ всякий из города, будут оленей убивать. Сколько таких случаев сейчас, на дороге Салехард-Аксарка! Подъедут к стаду, пристрелят несколько оленей, бросят туши в машины - ищи их потом! А бывает, что и на пастухов нападают - ружье наставят, и убивают оленей. Один раз даже упряжку остановили, убили оленей и увезли. Я даже в человека стрелял однажды - слава Богу, не попал. Они у нас 11 оленей убили. А стадо - совхозное, за недостатку с кого спросят? С пастухов. И так зарплаты маленькие, а тут совсем ничего не будет...

Недавно знакомых оленеводов оштрафовали на 80 тысяч - лося убили. В другой раз - за медведя. А тот медведь у нас сколько оленей задрал! Но у власти всегда виноваты националы. Многие из нас законы не знают, некоторые безграмотные - кто их защитит?

Еще Петр рассказал, как встречался с Владимиром Путиным.

- Приезжал он к нам в Горноknязевск. Решили власти показать ему настоящих националов. Выбрали нас. Только сказали - чтобы рот не открывать, президенту никаких вопросов не задавать. И вот приехал Путин. Меня толпа сразу оттеснила, но я с дочкой на руках был, Путин заметил, подошел. Как рядом встал - какие уж тут вопросы: вся спина потом покрылась! Так и молчал все время... А потом жалел: мог все Путину рассказать, о всех наших бедах, раз в жизни шанс выпал - и не смог. Страшно было. И охрана его все напирала, огромные мужики. Так он с дочкой моей сфотографировался - все страна видела - и уехал. А у нас все по-прежнему осталось...

Жена Петра, Евдокия - на вид очень молодая женщина, при этом - мать шестерых дочерей. Старшей, Виктории - 16 лет, учится в 10 классе, младшей, Кате - 4 года. Работает Евдокия депутатом местного самоуправления. Когда она рассказывала о своей депутатской работе, я слушал как будто истории из далекого прошлого, из тех лет, когда только установилась советская власть. Евдокия не получает за депутатскую работу зарплаты, не имеет льгот, и с мужем и дочерьми живет в двухкомнатном доме на окраине поселка Аксарка. Зато любой человек -

хант, ненец, коми - может прийти к ней домой со своими проблемами и заботами. Вот несколько случаев из депутатской работы Евдокии:

К старику-ханту, уважаемому работнику, бывшему передовику пришли строители, которые должны были построить ему дом. И попросили подписать бумагу - якобы о приемке леса для стройки. Дали пустой лист, тот внизу поставил подпись. А потом по телевизору увидел отчет властей района о том, что построен новый дом. А дом так и остался в виде кучи бревен. Старик был неграмотным, и Евдокия ходила по инстанциям вместе с ним.

Чиновники говорили: все, денег нет, поздно. Но Евдокия добилась своего - старику выдали 170 тысяч рублей на постройку дома.

Другой случай. Женщина-тундровичка приехала рожать в поселок. Родила, и тут выяснилось, что паспорт ее просрочен. И ей отказали в выплате пособия на ребенка. Евдокия добилась, чтобы ей выдали паспорт досрочно, без уплаты штрафа. Паспорт выдали тут же, женщине с новорожденным ребенком не пришлось ехать в далекий райцентр.

Таких историй очень много. Депутат Серасхова помогла многим людям добиться справедливости. А ее единственная льгота - депутатское удостоверение, позволяющее входить к чиновникам без очереди, бороться с несправедливостью властей, с притеснением коренного населения, отстаивать права оленеводов и рыбаков.

А еще Евдокия пишет прекрасные стихи на хантыйском языке. Стихи о тундре, об оленях, о людях, о Боге. Стихи печатают в местных газетах, в списках и ксерокопиях они расходятся по тундре, их учат дети в школах-интернатах. А многие русские, прочитав произведения Евдокии в переводе, начинают видеть в хантах людей. Не отсталых дикарей, а людей – со своими радостями и горестями, духовными исканиями и сомнениями. Людей странных, необычных, но все же – людей...

Константин Куксин

этнограф,

директор Музея кочевой культуры

P.S. Когда я писал эту статью, с Ямала позвонила Евдокия и рассказала о новой беде – в начале июня в Обской губе произошел замор рыбы (скорее всего, из-за сброса в воду нефти). Более тысячи тонн мертвой рыбы гниет по берегам, рыбаки остались без работы, а ведь рыба – единственный источник дохода для большинства семей. Власти решили выплатить компенсацию коренным жителям по... 1000 рублей. Учитывая цены на Севере, это было воспринято рыбаками как издевательство. Но пресса и телевидение молчат. Местные СМИ работают по заказу властных структур, а с Большой Земли журналистам приехать сложно – с этой весны Ямал стал пограничной зоной...